

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Этнос И СРЕДА ОБИТАНИЯ

Сборник статей по этноэкологии

Выпуск 3

Москва
2012

УДК 39+504.75+572

ББК 63.5

Э91

Рецензенты
д.и.н. С.В. Чешко
к.и.н. Л.В. Остапенко

Редколлегия
Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова,
Л.Т. Соловьева, А.Н. Ямсков

Э 91 Этнос и среда обитания. Сборник статей по этноэкологии. Вып. 3. – Редколлегия: Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова (отв. ред.), Л.Т. Соловьева, А.Н. Ямсков. – М.: ИЭА РАН, 2012 – 259 с.

ISBN 978-5-4211-0060-7

В сборнике представлены исследования процессов адаптации и других проблем этноэкологии и близких областей знаний, выполненные на основе материалов по этнологии, археологии, истории, физической антропологии, биологии, географии, демографии и ряда других наук. Авторы анализируют сведения, относящиеся к населению и территориям Средней, Центральной и Южной Азии, Грузии, Русского Севера и Верхней Волги, Украинских Карпат. Тематический сборник может представлять интерес для специалистов в области этнологии, антропологии, археологии, географии, истории и других дисциплин, интересующихся этнокультурными аспектами взаимодействия отдельных обществ и окружающей среды.

ISBN 978-5-4211-0060-7

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2012

© Коллектив авторов, 2012

Дефиниция и этноэкологические аспекты феномена «трагедии общинных ресурсов»

С момента появления концепции «трагедии общинных ресурсов» (*tragedy of the commons*), сформулированной сразу же в практически законченном виде американским биологом и экологом, профессором Калифорнийского университета Гэрретом Хардином (Hardin, 1968), она получила самый активный, хотя первоначально и неоднозначный отклик специалистов в области экологических и социальных наук, включая этнологию (культурную антропологию). По крайней мере, она стала очень широко известна на Западе (об эволюции взглядов на эту проблему и современных подходах к её предотвращению см., например: Dietz, Ostrom, Stern, 2003). О «трагедии общинных ресурсов» написано и в специализированной энциклопедии культурной антропологии, что свидетельствует о включении данной концепции в исследовательское поле этой науки (Acheson, 1996).

В наши дни в российской науке тоже можно встретить упоминание об этом феномене как о чём-то очевидном и потому могущем послужить наглядной иллюстрацией некоей сугубо социальной коллизии как, например, той, что сложилась ныне в сфере деятельности учёных советов по присуждению научных степеней (Соколов, 2008, с. 29). Но случаются и явные казусы с трактовкой данного понятия, когда оно фактически сводится лишь к модели нерациональной организации выпаса, приводящей к негативным экологическим и экономическим последствиям из-за перегрузки пастбищ (Скопин, 2005, с. 232). Если же попытаться оценить, какое место концепция «трагедии общинных ресурсов» заняла в области преподавания этнической экологии в университетах нашей страны, то можно отметить, что изучение рассматриваемого феномена предусмотрено в программах по этноэкологии для этнологов (Ларина, 2007, с. 184) или географов (Ямсков, 1999, с. 113, 115–116), а также в курсе «Этнокультурные аспекты геоэкологии» для географов и геоэкологов (Алексеева, 2010, с. 256). Вместе с тем есть пример программы по этноэкологии для географов и экологов, в которой это понятие не рассматривается (Этноэкология ..., 2010).

Представляется, что в области этноэкологических и, шире, социально-экологических исследований в России явно назрела необходимость

более детально разобраться в этом феномене. В частности, следует определиться с тем, каково же его содержание, при каких обстоятельствах он может проявляться и какими могут быть пути выхода из подобных ситуаций, как лучше перевести на русский язык сам термин, в каких областях науки оперируют этим понятием и какое место должен занимать данный феномен в университетских курсах по этноэкологии.

Начнём с того, как лучше сформулировать *определение феномена «трагедии общинных ресурсов»*. Думается, в силу сложности и важности этого понятия целесообразнее выбрать достаточно развёрнутую трактовку, хотя возможны и гораздо более краткие формулировки, встречающиеся, в частности, ниже или приводившиеся мною в прошлых публикациях (см., например: Ямсков, 1999, с. 116; Ямсков, 2005, с. 274).

Ещё одно принципиально важное предварительное уточнение – далее речь пойдёт о таком понимании «трагедии общинных ресурсов», которое адекватно задачам этноэкологии и смежных дисциплин, посвящённых в том числе вопросам использования природных ресурсов и взаимодействия отдельных человеческих сообществ с географической средой. Но в действительности с самого момента своего появления в науке феномен «трагедии общинных ресурсов» имел гораздо более широкое значение, а апелляция к природным ресурсам, в частности пастбищным, потребовалась лишь для прояснения его сути и далее выступала только в качестве метафоры, и не более того (Hardin, 1968, p. 1248).

Суть «трагедии общинных ресурсов» состоит в том, что в культуре человека нет ограничений, которые препятствовали бы истощению некоего природного ресурса, если этот ресурс находится в коллективном нерегулируемом («общинном») пользовании, то есть когда любой член коллектива («общинник») может использовать его настолько интенсивно, насколько захочет, и если при этом сочетаются ещё два необходимых условия. Во-первых, в процессе эксплуатации данного ресурса позитивные результаты (“выгоду”) получает индивидуально каждый конкретный ресурсопользователь, причём эта выгода для индивида тем больше, чем интенсивнее сам он использует данный ресурс. Во-вторых, негативные последствия (“ущерб”), начинающие нарастать по мере истощения ресурса вследствие чрезмерной его эксплуатации, равномерно распространяются на всех членов данного коллектива, вклю-

чая и тех, которые данным ресурсом продолжают пользоваться в прежних ограниченных размерах, не вызывавших прежде его истощения.

Феномен «трагедии общинных ресурсов» представляет собой одну из всего нескольких важнейших, с экологической точки зрения, форм стереотипного поведения человека в сфере использования природных ресурсов, детерминированных культурной спецификой того сообщества, частью которого данный человек является. Говоря иными словами, этот феномен можно считать одним из главных культурных архетипов человека, определяющих природопользование и в целом отношение к окружающему миру и его ресурсам (Ямсков, 2005).

Г. Хардин для иллюстрации своих мыслей приводил абстрактный пример с общинным пастбищем, на котором каждый общинник волен пасти столько коров, сколько захочет, что и определило выбранный им тогда термин для обозначения этого явления (Hardin, 1968, p. 1244). Он объяснял данный феномен тем, что если отдельный член общины, совместно использующей одно общее пастбище, увеличит поголовье своего стада всего на одну корову, то для него лично большая дополнительная выгода (всё, что можно получить от ещё одной головы скота) явно перевешивает одновременно возникающий небольшой ущерб. Последний обусловлен тем, что пропорционально росту всего стада общины на каком-то этапе начинается перевыпас и относительное ухудшение качества пастбища, а соответственно и снижение продуктивности каждого животного вследствие нарастающего дефицита пастбищных кормов. Стремление к личной сиюминутной выгоде заставляет, согласно мнению Г. Хардина, каждого либо явное большинство из членов общины неуклонно наращивать поголовье своего скота, вызывая тем самым серьёзный перевыпас и в перспективе – полную деградацию пастбища, кризис скотоводства из-за падежа скота вследствие бескормицы и распад самой общины скотоводов, теряющей основной источник средств существования.

Думается, что для более детального и доступного объяснения «трагедии общинных ресурсов», желательного, например, для курса лекций, можно предложить столь же условный, но ещё более конкретизированный пример (первую его версию см.: Ямсков, 2005, с. 285–287). Собственно говоря, ранее тоже были случаи введения количественных показателей в описание условной ситуации для того, чтобы более наглядно разъяснить студентам суть обсуждаемого явления

(Голубев, 1999, с. 30; Haggett P., 2005, p. 327–328). Ниже, однако, предлагается гораздо более детальный анализ некой абстрактной ситуации, чем у вышеупомянутых авторов.

Предположим, что где-то в совершенно изолированной от внешнего мира горной долине живёт группа ведущих традиционное натуральное хозяйство скотоводов в составе 10 одинаковых по размеру семейных хозяйств, в каждом из которых по 4 головы крупного рогатого скота, в том числе по 2 дойных коровы, дающих по 6 литров молока в день каждая. Две коровы полностью удовлетворяют потребности своих хозяев в молочных продуктах питания, для производства которых требуется именно 12 литров молока в день на хозяйство. По принятому нами условию, в силу абсолютной транспортной изолированности этой горной местности скотоводы не могут использовать молоко и молочные продукты никак иначе, кроме как для собственного потребления. Поэтому члены общины не имеют стимулов к увеличению поголовья скота выше 20 голов дойных коров (10 хозяйств, держащих по 2 дойных коровы каждое), или всего 40 голов крупного рогатого скота (в нашем примере дойные коровы составляют ровно половину стада, включающего также телят и быков). Такие размеры стада соответствуют средней многолетней ёмкости пастбищ в этой долине.

Представим себе, что вследствие каких-либо военно-стратегических соображений государство провело через описываемую горную долину автомобильную дорогу, и наши скотоводы впервые в своей истории получили возможность продавать молоко или молочные продукты скупщикам. Допустим, ровно половина хозяйств проявили себя в новых условиях “капиталистами” и, увеличив поголовье до 3 дойных коров на семью, стали продавать по 6 литров молока в сутки (удои от одной дополнительной коровы на хозяйство), по прежнему питаясь в основном молочными продуктами (12 литров в сутки от прежних двух коров на хозяйство). Оставшиеся 5 семей, будучи “традиционалистами”, продолжили жить натуральным хозяйством и держать по 2 дойных коровы на хозяйство. Это означает, что в долине теперь насчитывается уже 25 дойных коров (10 коров у “традиционалистов” и 15 коров у “капиталистов”), то есть всего 50 голов крупного рогатого скота (ведь дойные коровы составляют ровно половину стада).

Но ёмкость местных общинных пастбищ соответствует стаду всего в 40 коров, телят и быков, поэтому в долине начинается перевыпас,

проявляется пастбищная дигрессия, и в итоге из-за недостатка кормов коровы снижают удои, допустим, на 1 литр в день каждая, то есть до 5 литров. Таким образом, вскоре у “капиталистов” общие удои от 3-х коров на семью стали составлять только 15 литров в день, и на продажу у них теперь остаётся лишь 3 литра молока вместо прежних 6 литров. Значит, ставшие уже привычными денежные доходы и, следовательно, возможности покупать себе товары из внешнего мира, упали вдвое, что заставляет этих владельцев-предпринимателей ещё более увеличивать поголовье скота в попытке хотя бы восстановить былой уровень жизни. Одновременно и у “традиционалистов” на семью стало приходиться всего по 10 литров молока в день, то есть появился ежесуточный дефицит продуктов питания в размере 2 литров молока и соответствующего количества производимых из него продуктов. Следовательно, и “традиционалисты” тоже вынуждены теперь увеличивать поголовье скота в своих хозяйствах, чтобы хотя бы накормить досыта себя и своих детей.

Таким образом, наши условные скотоводы втянулись в “трагедию общинных ресурсов”, которая не может кончиться ничем иным, кроме как полной деградацией пастбищ вследствие постоянно растущего поголовья скота, последующим падежом основной части домашних животных от бескормицы, и гибелью общины скотоводов, которая уже более не сможет существовать на данной территории за счёт ведения скотоводческого хозяйства.

Именно по такой модели, при всей схематичности и условности нашего примера, развиваются ныне реальные социально-экологические ситуации во многих отдалённых скотоводческих регионах стран Третьего Мира, которые только сейчас втягиваются в сферу рыночного хозяйства и где при этом сохраняются традиционные культуры кочевых или пастушеских скотоводов с типичным для последних общинным (коллективным нерегулируемым) землевладением или землепользованием.

Разумеется, в целом ряде случаев, в том числе и в современной России, «трагедия общинных ресурсов» может не менее остро проявляться применительно ко многим другим природным ресурсам, находящимся в коллективном нерегулируемом пользовании, а также и при таких нередких обстоятельствах, когда в реальной жизни происходит массовое нарушение установленных государством правил ресурсопользования. В качестве примеров можно назвать пушных зверей и другую

дичь в районах охотничьего промысла, рыбу в местах развития рыболовства, ягоды (на клюквенниках Русского Севера, например) или кедровые орешки в кедрачах Южной Сибири и на юге Дальнего Востока, лекарственные травы, грибы или цветы в местах их массового сбора, и т.п.

Существуют, однако, по крайней мере в теории, вполне эффективные *меры, предотвращающие «трагедию общинных ресурсов»*. Во-первых, наши условные скотоводы из горной долины при переходе к рыночным отношениям могли бы договориться между собой и отказаться от главной предпосылки этой трагедии – сохранения коллективного и неконтролируемого использования пастбищ в условиях формирующихся товарно-денежных отношений. Это можно обеспечить путём раздела общинных пастбищных земель между отдельными хозяйствами, то есть посредством приватизации общинных ресурсов. Во-вторых, общинное владение и пользование пастбищными ресурсами вполне можно было бы и сохранить в новых экономических условиях, но только если члены общины смогли бы совместно определить максимально допустимые нормы нагрузки на них и ввести эффективный общественный контроль за соблюдением таких норм. Так, в нашем случае это могло бы быть решение общины скотоводов о том, что каждое из десяти хозяйств может держать на общинном пастбище в долине только по четыре головы крупного рогатого скота, или меньше, но ни в коем случае не больше.

Разумеется, с теоретической и, что в данном случае главное, с практической точек зрения государство в лице местных представителей власти тоже имеет все возможности эффективно остановить «трагедию общинных ресурсов» на самых ранних стадиях её развития, причём в нашем условном примере – обоими вышеназванными способами: введя и жёстко контролируя нормирование нагрузки на общинные пастбища либо проведя приватизацию этих пастбищ.

Следует также обязательно учитывать то, что в реальной жизни появление «трагедии общинных ресурсов» даже при сложении всех необходимых для неё условий отнюдь не является совершенно неизбежным. В действительности антропологами и экологами накоплено немало свидетельств того, что многие местные сообщества смогли избежать втягивания в «трагедию общинных ресурсов», разработав специфические методы организации самых разных отраслей природопользования и контроля за масштабами либо экологическими последствиями хозяйственной деятельности (об этом см. подробнее: Acheson,

1996, p. 1236; McCay, 2002, p. 384–387; Moran, 2006, p. 118, 128; Trawick, 2001, p. 20). Пожалуй, в последние годы именно Элино́р Остро́м наиболее последовательно и убедительно отстаивала идею о том, что при всей частоте случаев и трагичности экологических и социальных последствий «трагедии общинных ресурсов» последняя всё же не является неминуемой при использовании местными сообществами природных ресурсов, находящихся в их общинном (коллективном) пользовании (см., например, её обзор: Ostrom, 2008). Между прочим, в 2009 г. профессор политической экономики Э. Остро́м была удостоена Нобелевской премии по экономике (вместе с О. Уилльямсоном) за её вклад в изучение процессов управления экономикой и, в частности, за исследования в области экономики и управления общественными («общинными») ресурсами (земельными, биологическими и иными).

Конечно же, пример с общинными пастбищами и скотоводами – всего лишь яркая метафора. В действительности феномен “трагедии общинных ресурсов” имеет гораздо более широкое значение, помогая понять перспективы как стихийно развивающегося неконтролируемого использования самых разных возобновимых природных и иных ресурсов, так и вообще поведения человека по отношению к тому, что является «общественным благом», эксплуатация которого не регулируется и может приносить тем больше выгод индивиду, чем активнее он лично этим благом пользуется (Hardin, 1968).

Повторимся, предпосылки “трагедии общинных ресурсов” – сохранение коллективного нерегулируемого доступа к ресурсам в принципиально новых социально-экономических условиях, когда целью хозяйственной деятельности становится уже не только обеспечение собственных потребностей местного населения, но и накопление денег или других материальных ценностей, получаемых вследствие продажи части получаемой продукции. Впрочем, иногда эти «новые социально-экономические условия» могут также означать принципиальные трансформации в технологиях природопользования, в системе расселения или количестве пользователей и ряд других фундаментальных новаций в сфере ресурсопользования, в конечном итоге резко повышающих былую нагрузку на ресурсы. Возможные пути предотвращения этой проблемы – во-первых, широко понимаемая и применимая в ряде случаев «приватизация» ресурса (точнее, раздел между пользователями), а во-вторых, всегда возможное введение нормирования

нагрузки на ресурс со строгим соблюдением установленных нормативов ресурсопользования.

Корректный перевод термина “tragedy of the commons” на русский язык, полностью передающий значение английского оригинала, к сожалению, просто невозможен – для англоговорящего читателя или слушателя в этом термине легко просматривается игра слов, имеющая принципиально важное значение в обсуждаемом контексте. Данное словосочетание имеет двойной смысл, и “tragedy of the commons” одновременно означает как «трагедию общинных ресурсов», так и «трагедию общинников». Как известно, словом “the commons” в Англии одновременно обозначается как сельское общинное пастбище (или же лес, либо пустоши, принадлежащие всему сообществу жителей сельского населённого пункта), так и само сообщество этих людей, или крестьян-общинников в историческом прошлом. Вспомним, что и поныне, как дань уходящей в Средние века традиции, нижняя палата в британском парламенте, избираемая всем населением страны, называется «Палата общин» (House of Commons).

Предложенный мною перевод этого понятия как «трагедия общинных ресурсов» (Ямсков, 1999, с. 113), увы, затеняет один из двух смыслов исходного английского термина (то есть «трагедию общинников»), но зато акцентирует внимание именно на проблеме истощения ресурсов. Видимо, для этноэкологии, равно как и для эколого-географических исследований, такой перевод оптимален.

В отечественной науке пока, к сожалению, ещё очень далеко до единства в терминологической сфере, если говорить о данном феномене. Так, социолог М. Соколов употребляет в этом значении выражение «дилемма общинных пастбищ» (Соколов, 2008, с. 29), этнолог Е.И. Ларина – «трагедия общих ресурсов» (Ларина, 2008, с. 184), эколог О.Н. Воронова в своём Интернет-курсе по природопользованию – «трагедия общинных земель» (Воронова). Во всех этих случаях акцентируется именно ресурсный аспект данного явления, что представляется совершенно оправданным. Схожий в целом смысловой акцент выбрала и социолог О.В. Аксенова, которая перевела название статьи Г. Хардина и само это явление как «трагедия общинной собственности» (Аксенова, 2004, с. 69). Экономисты в учебнике для Российского Университета Дружбы Народов используют термин «трагедия общины», приводя детальный разбор механизмов развития и последствий

этого явления на примере сообщества рыбаков; они также указывают, что в экономике синонимами термина «общинная собственность» являются термины «коллективная собственность» и «коммунальная собственность» (Пономаренко, Исаев, 2010). В географии и геоэкологии Н.Н. Алексеева использует термин «трагедия общинных ресурсов» (Алексеева, 2010, с. 256), а Г.Н. Голубев назвал это явление «трагедией всеобщего достояния» (Голубев, 1999, с. 30). В последнем случае суть данного понятия, примененного к самым разным сферам жизни общества, как кажется, передаётся ещё полнее. Но вместе с тем, к сожалению, теряются оба первоочередных смысла, связанных с общинными ресурсами и самими членами общины (сообщества), которые были заложены в исходный английский оригинал и которые столь важны для этноэкологии, да и для в целом для сферы социальных и экологических исследований.

В переводных публикациях рассматриваемое понятие тоже, увы, передаётся весьма разнообразно. Так, группа географов из МГУ при переводе американского учебника по экологии сочла возможным обозначить этот феномен как «трагедия общества» или «трагедия современного общества», хотя они и уточнили, что речь идёт об «... использовании ресурсов, находящихся в общественной собственности» (Миллер, 1993, с. 33). Географ А.Ю. Скопин переводит данный термин как «трагедия сообществ» (Скопин, 2005, с. 231), а в монографии известного специалиста по информационным технологиям он обозначается как «трагедия общинной собственности» (Рейнгольд, 2006). В учебнике экономики был принят перевод «трагедия общинных земель» (Мэнкью, 2010, с. 255), в учебниках социальной психологии – «трагедия общинных владений» (Майерс, 2004, с. 330) или «трагедия общинных выгонов» (Ойстер, 2004, с. 193–194).

Попробуем критически рассмотреть названные выше предложения. Безусловно, самой неудачной, а точнее – просто ошибочной является попытка передать смысл обсуждаемого явления словами «трагедия общества» или «трагедия современного общества». Это явление не только не универсально, но в принципе его проявления приурочены лишь к относительно короткому (в масштабах истории, конечно) периоду перехода от традиционных к современным обществам, в экологическом и социологическом понимании указанных терминов (см. подробнее об особенностях традиционных обществ: Ямсков, 2000). Почти

столь же неудачен и перевод «трагедия сообществ», ибо понятие «сообщество» слишком многозначно и в равной мере приложимо как к локальной группе охотников-собирателей, так и к объединению поклонников Майкла Джексона или любителей йоги в Нью-Йорке либо Москве. Как уже отмечалось выше, речь ведь идёт не просто о неких обществах или сообществах людей, а лишь о тех из их, во владении или пользовании которых находятся те или иные общественные (то есть «общинные») ресурсы.

Также не стоит, на мой взгляд, использовать в определении этого понятия термины «земли», «пастбища», «выгоны», «владения» или «собственность», что излишне сужает его значение. Ведь земельные либо пастбищные ресурсы или собственно земельные участки (владения) представляют собой лишь частный случай природных ресурсов, в сфере использования которых может проявляться данный феномен. К тому же обсуждаемое понятие применимо и по отношению к использованию, например, социальных, пространственных или иных «ресурсов», не относящихся к собственно природным. Нецелесообразно говорить и об «общих» ресурсах, ведь они могут оставаться «общими» и при этом иметь жесткую регламентацию использования и эффективный контроль за соблюдением принятых норм ресурсопользования. Так, например, научно обоснованное определение квот на вылов рыбы и лицензирование рыболовства в сочетании с эффективным мониторингом лова и пресечением попыток браконьерства или превышения разрешённых квот исключает возможность развития «трагедии общинных ресурсов» применительно к рыбным ресурсам в соответствующей акватории.

С другой стороны, передача смысла рассматриваемого явления словами «трагедия общин» или «трагедия всеобщего достояния» не может считаться ошибкой или неточностью. Однако предложенный вариант перевода – «трагедия общинных ресурсов» – представляется мне всё же наиболее удачным в силу ряда причин. Во-первых, в данном случае речь идёт прежде всего о «ресурсах», без уточнения того, о каких именно ресурсах говорится, и именно такой подход ближе всего к передаче сути этого феномена, поскольку он акцентирует один из двух важнейших смыслов, заложенных в оригинальное название на английском языке. Во-вторых, отмечается, что это именно «общинные» ресурсы, то есть находящиеся в коллективном нерегулируемом пользовании, и это опять-таки наиболее близко к значению оригинала. Но, как уже

отмечалось, у этого варианта перевода есть и заметный недостаток – в данном случае затушевывается тот факт, что речь идёт одновременно и о «трагедии членов общины». Впрочем, приведённые выше примеры показывают, что чаще всего на русском языке передаётся первый из отмеченных здесь смыслов английского термина, то есть относящийся к ресурсам, и именно его наиболее адекватно передаёт выражение «трагедия общинных ресурсов», что свидетельствует в пользу последнего.

Наконец, стоит также уточнить, что во введённом Г. Хардином (1968) определении данного феномена именно как «трагедии» был использован прямой, буквальный смысл этого термина из сферы искусствоведения, ведь трагедия характеризуется предопределённостью (неизбежностью) гибели или каких-то чрезвычайных мук героя, несмотря на все его мужественные попытки противостоять злему року (Tragedy, 1989).

Но с течением времени стало понятно, что реализация «трагедии общинных ресурсов» не является абсолютной неизбежностью, ибо в культурах местных сообществ могут быть выработаны разные механизмы её предотвращения, которыми многие из них успешно воспользовались. Поэтому противники идеи об универсальности и неизбежности данного явления теперь всё чаще говорят просто об «общинных ресурсах» (the commons – см., например: Dietz, Ostrom, Stern, 2003; McCay, 2002; Trawick, 2001) или, ещё более определённо, о «ресурсах, находящихся в общественном пользовании» (the common-pool resources – см., например: Dietz et al., 2002, p. 15 и далее; McCay, 2002, p. 361 и далее; Becker, Ostrom, 1995, p. 114 и далее). По этой же причине посвящённый данной проблематике научный журнал, который начал выходить в 2007 г., получил название «Международного журнала общественных ресурсов» (International Journal of the Commons, см. сайт: <http://www.thecommonsjournal.org/index.php/ijc/index> – обращение 20.09.2011 г.). Впрочем, при переводе названия журнала можно было бы использовать и термин «общинные ресурсы», что несколько лучше передавало бы на русском языке исходную двойственность английского слова, подразумевающего не только «общинные ресурсы», но и самих «членов общины», или пользователей. Также далеко не случайно и то, что один из сборников, посвящённых в первую очередь анализу способов предотвращения этого феномена или путей выхода из ситуации, начавшей развиваться по данному сценарию, получил название «Драма общинных ресурсов» (The Drama of the Commons,

2002). Ведь в драме, как известно, хотя и может быть некий катарсис, завершающий цепь событий, но этот финал или пик напряжения в сюжете совсем не предполагает обязательной гибели или чрезмерных страданий главных действующих лиц (Drama, 1989, p. 472).

Тем не менее необходимо, как мне кажется, уважать право автора этой концепции и сохранить её название в том виде, в каком оно вошло в науку – «трагедия общинных ресурсов». Это, однако, вовсе не означает полного согласия со взглядами самого Г. Хардина, который, как теперь стало ясно, явно преувеличил универсальность и предопределённость описанного им социального и экологического явления. По крайней мере, многие ведущие американские эколого-антропологи спокойно продолжают пользоваться исходным термином, хотя и указывают при этом на его ограниченность и на те нередкие случаи, когда общинные природные ресурсы использовались вполне рационально даже при втягивании местных сообществ в товарно-денежные отношения (Moran, 2010, p. 38–39, 62–63, 127; Sutton, Anderson, 2010, p. 308).

Сферы применения концепции «трагедии общинных ресурсов», как было показано выше на примере опубликованных в России оригинальных и переводных исследований, весьма разнообразны – это социология, социальная психология, экономика, этноэкология и этнология, география и геоэкология, экология и природопользования. Дисциплинарную принадлежность журнальных статей, посвящённых «трагедии общинных ресурсов» и вышедших в свет за рубежом в период 1985–2005 гг., можно попробовать определить, пусть и весьма приблизительно, по диаграмме, приведённой в одном из научно-библиографических исследований по данной тематике. У авторов получились следующие цифры: антропология – около 150 статей; география – примерно 200, исследования проблем социально-экономического развития (development studies) – приблизительно 350, история – примерно 500, правоведение – 900, экономика – 1000, политические науки – 1100, экология – 1900 статей (van Laerhoven, Ostrom, 2007, p. 7).

О положении, сложившемся с изучением «трагедии общинных ресурсов» в рамках экологической антропологии, можно судить по следующему очевидному факту. Журнал, в котором в течение 1985–2005 гг. было опубликовано наибольшее количество статей (немногим более 120) по данной тематике – “Human Ecology” (экология человека),

а ведь это ведущее издание по экологической антропологии, выходящее начиная с 1972 г. Последующие четыре места заняли журналы эколого-экономического профиля: "Society & Natural Resources" (общество и природные ресурсы) – 100 статей, "Environment and Development Economics" (окружающая среда и экономика развития) – примерно 90 статей, "American Journal of Agricultural Economics" (американский журнал сельскохозяйственной экономики) – более 80 статей, и "Environmental and Resource Economics" (экономика окружающей среды и природных ресурсов) – 80 статей (van Laerhoven, Ostrom, 2007, p. 9).

Особенно важно подчеркнуть, что это понятие получило широкое распространение в самых разных методологических направлениях американской экологической антропологии (о последней подробнее см.: Козлов, Ямсков, 1989; Ямсков, 2011), являющейся аналогом отечественной этноэкологии. Так, о ней пишет в многократно переиздававшемся учебнике сторонник собственно «экологической антропологии» (ecological anthropology) в узком смысле этого слова (в 1960-е–1980-е гг. также иногда именовавшейся экосистемной антропологией) Эмилио Моран, профессор антропологии, профессор наук об окружающей среде и адъюнкт-профессор географии в Университете штата Индиана в городе Блумингтоне, который, вероятно, является наиболее авторитетным в данный момент специалистом в области эколого-антропологических исследований (Moran, 2008, p. 95, 99). Не обходят эту тему и авторы учебника, продолжающие линию исследований, заложенную когда-то Джулианом Стюардом, и потому декларирующие свою принадлежность к «культурной экологии» (Sutton, Anderson, 2010, p. 307–308). В рамках ещё одного, появившегося лишь в 1990-е гг. направления эколого-антропологических исследований, которое лучше обозначить как «антропология экологических проблем» (environmental anthropology), тоже можно найти учебник с небольшим разделом о «трагедии общинных ресурсов» (Townsend, 2009, pp. 97–98).

Интересно также отметить, что при знакомстве с зарубежной научной литературой по данному вопросу 1970-х–1990-х гг. бросается в глаза явная разница в подходах к феномену «трагедии общинных ресурсов», когда его применяют для описания использования возобновимых природных ресурсов. Так, экологи и экономисты обычно подчеркивали распространённость и опасность данной ситуации и её почти универсальный характер, тогда как антропологи, напротив, акцентиро-

вали внимание на случаях, когда местным сообществам удаётся выработать меры по предотвращению развития данного явления. Однако с течением времени позиции представителей разных дисциплин во многом сблизились, и теперь уже трудно найти антропологов, оспаривающих (как это порой бывало в 1970-е–1980-е гг.) сам этот феномен и его широкую распространённость в современную эпоху. С другой стороны, экономисты и экологи тоже уже не настаивают более на неизбежности проявления «трагедии общинных ресурсов» во всех случаях распространения товарно-денежных отношений при сохранении общинного пользования природными ресурсами.

Со временем сильно изменилось и внимание к «трагедии общинных ресурсов» со стороны научного сообщества – если в 1985–1991 гг. общее количество статей по данной тематике колебалось вокруг 200 в год, то в 1992–1996 гг. оно выросло до 400 в год, а к 2002 г. достигло 1000 в год, впоследствии превысив даже эту цифру и дойдя до максимума в 1200 статей в год в 2004 г. (подсчитано по графику динамики количества журнальных статей, ежегодно публиковавшихся по данной проблеме в период 1985–2005 гг. – см.: van Laerhoven, Ostrom, 2007, p. 6).

* * *

В качестве резюме можно заключить, что концепция «трагедии общинных ресурсов» – одна из важных составляющих теоретического арсенала отечественной этноэкологии и зарубежной экологической антропологии. Она описывает такую коллизию в сфере использования любых общественных ресурсов, при которой действия ресурсопользователей неминуемо приводят к истощению ресурсной базы и краху как соответствующей отрасли хозяйства, так и, следовательно, сообщества людей, существовавших за счёт этого вида деятельности.

Однако в сфере природопользования феномен «трагедии общинных ресурсов» может проявляться лишь в исторически ограниченный промежуток времени, когда традиционное общество трансформируется в современное и потому ещё сохраняющееся коллективное нерегулируемое («общинное») использование ресурсов начинает сочетаться с принципиально иными, гораздо более совершенными технологиями ресурсопользования и/или другими стимулами хозяйственной деятельности (прежде всего рыночными). Кроме того, существуют и могут быть реализованы на практике разные способы выхода из ситуации, начавшей развиваться по траектории «трагедии общинных ресурсов» – как внешние, за счёт госу-

дарственного нормирования и мониторинга ресурсопользования либо раздела государством ресурсов между пользователями, так и внутренние, в первую очередь основанные на сотрудничестве самих ресурсопользователей и выработке ими индивидуальных ограничений (норм) на использование находящихся в их коллективном владении ресурсов.

Учитывая важность изучения данного феномена как с теоретико-методологической, так и с практической точек зрения, и принимая во внимание сложившуюся в наши дни практику преподавания различных направлений экологической антропологии в университетах США, можно сделать вывод, что «трагедия общинных ресурсов» несомненно должна присутствовать в университетских курсах по этноэкологии и смежным дисциплинам, прежде всего таким как социальная экология и геоэкология.

Литература

Алексеева Н.Н. Этнокультурная проблематика геоэкологического образования // Инновации в геоэкологии: теория, практика, образование. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 16-17 сентября 2010 г. Ред.: Э.П. Романова (отв. ред.) и др. М.: Географический факультет МГУ, 2010, с. 254–257.

Аксенова О.В. Генезис социально-экологической рефлексии на Западе во второй половине XX века // Социологические исследования, 2004, № 9, с. 68–76.

Воронова О.Н. Современное природопользование // Образовательный сайт Вороновой О.Н. Заочное дистанционное образование с получением государственного диплома Московского государственного индустриального университета (МГИУ) через Интернет (<http://www.voronova-on.ru/prirodopolzovanie/flora/raznoobrazue/ovremennoeflora/index.html> – обращение 20.09.2011 г.)

Голубев Г.Н. Геоэкология. Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Изд-во ГЕОС, 1999, 338 с.

Козлов В.И., Ямсков А.Н. Этническая экология // Этнология в США и Канаде. Отв. ред.: Е.А. Веселкин, В.А. Тишков. М.: Наука, 1989, с. 86–107.

Ларина Е.И. Этническая экология // Этнология на историческом факультете (программы курсов). Ред.: О.Е. Казьмина, В.В. именов, Т.Д. Соловей. М.: Исторический факультет МГУ, 2007, с. 182–187.

Майерс Д. Социальная психология: Интенсивный курс. 4ое изд. СПб. – М.: Прайм-Еврознак – Олма-Пресс, 2004, 510 с.

Миллер Т. Жизнь в окружающей среде. Книга I. М.: Прогресс – Пангея, 1993, 256 с.

Мэнкью Н.Г. Принципы экономики: Учебник для вузов. 4ое изд. СПб: изд. «Питер», 2010, 672 с.

Ойстер К. Социальная психология групп. СПб.: изд. «Прайм-Еврознак», 2004, 224 с.

Пономаренко Е.В., Исаев В.А. Экономика и финансы общественного сектора (основы теории эффективного государства): Учебник. М.: изд. Инфра-М, 2010 [серия «Учебники РУДН»] (цитируется по электронной версии – см.: http://fictionbook.ru/author/valeriyi_anatolevich_isaev/yekonomika_i_finansiyobshhestvennogo_sektora/read_online.html?page=7 – обращение 20.09.2011 г.)

Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: изд. «ФАИР Пресс», 2006, 416 с. (цитируется по электронной версии – см.: <http://knigosite.ru/library/read/18657> – обращение 20.09.2011 г.)

Скопин А.Ю. «Трагедия сообществ» // Хаггетт П., Скопин А. Общая география: глобальный синтез. Harlow: Pearson Educated Limited, 2005, с. 231–232.

Соколов М. Проблема консолидации академического авторитета в постсоветской науке: случай социологии // Антропологический форум, 2008, № 9, с. 8–31.

Этноэкология: программа. Сост.: А.Б. Багдасарова, Л.Н. Соловьева. Ставрополь: Изд-во Ставропольского Государственного Университета, 2010, 24 с.

Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология // Программы по экологическим дисциплинам. Ред.: В.Т. Дмитриева (отв. ред.), А.Н. Воробьев, А.Н. Ямсков. М.: изд. МГПУ, 1999, с. 105–126.

Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. Ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М.: Издательский дом "Стратегия", 2000, с. 172–185.

Ямсков А.Н. Экологически значимые культурные архетипы поведения человека // Этноэкологические аспекты духовной культуры. Ред.: В.И. Козлов, А.Н. Ямсков, Н.И. Григулевич. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005, с. 266–296 (см. также на сайте Научно-издательского центра «Социосфера», г. Пенза: <http://sociosphere.ucoz.ru/publ/0-90> – обращение 20.09.2011 г.).

Ямсков А.Н. Основные направления американской экологической антропологии // Экология древних и традиционных обществ: Сборник докладов конференции. Вып. 4. Редколлегия: Н.П. Матвеева (отв. ред.), А.Н. Багашев (отв. ред.) и др. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011, с. 354–356.

Acheson J.M. Tragedy of the Commons // Encyclopedia of Cultural Anthropology. Eds.: D. Levinson, M. Ember. New York: Henry Holt and Company, 1996, pp. 1325–1327.

Becker C.D., Ostrom E. Human Ecology and Resource Sustainability: The Importance of Institutional Diversity // Annual Review of Ecology and Systematics, 1995, Vol. 26, pp. 113–133.

Dietz T., Dolšak N., Ostrom E., Stern P.C. The Drama of the Commons // The Drama of the Commons. Eds.: E. Ostrom, T. Dietz, N. Dolšak, P.C. Stern, S. Stovich, E.U. Weber. Washington, DC: National Academy Press, 2002, pp. 3–35

Dietz T., Ostrom E., Stern P.C. The Struggle to Govern the Commons // Science, 2003, Vol. 302, pp. 1907–1912.

Drama // *New Webster's Dictionary of the English Language*. College Edition. Delhi: Surjeet Publications, 1989, p. 472.

The Drama of the Commons. Eds.: E. Ostrom, T. Dietz, N. Dolšak, P.C. Stern, S. Stovich, E.U. Weber. Washington, DC: National Academy Press, 2002, 521 p.

Haggett P. "The Tragedy of the Commons" // Харгетт П., Скопин А. *Общая география: глобальный синтез*. Harlow: Pearson Educated Limited, 2005, pp. 327–328.

Hardin G. The Tragedy of the Commons // *Science*, 1968, Vol. 162, № 3859, pp. 1243–1248.

van Laerhoven F., Ostrom E. Traditions and Trends in the Study of the Commons // *International Journal of the Commons*, 2007, Vol. 1, № 1, pp. 3–28.

McCay B.J. Emergence of Institutions for the Commons: Contexts, Situations, and Events // *The Drama of the Commons*. Eds.: E. Ostrom, T. Dietz, N. Dolšak, P.C. Stern, S. Stovich, E.U. Weber. Washington, DC: National Academy Press, 2002, pp. 361–402.

Moran E.F. *People and Nature: An Introduction to Human Ecological Relations*. Oxford: Blackwell Publishing, 2006, 218 pp.

Moran E. *Human Adaptability: An Introduction to Ecological Anthropology*. 3rd ed. Boulder (CO): Westview Press, 2008, 473 p.

Moran E.F. *Environmental Social Science: Human-Environment Interactions and Sustainability*. Oxford: Wiley-Blackwell Publishing, 2010, 215 p.

Ostrom E. "Tragedy of the commons" // *The New Palgrave Dictionary of Economics*. 2nd ed. Eds.: S.N. Durlauf, L.E. Blume. New York: Palgrave Macmillan, 2008 [The New Palgrave Dictionary of Economics Online. 23 June 2010: http://www.dictionarofeconomics.com/article?id=pde2008_T000193 – обращение 20.09.2011 г.]

Sutton M.Q., Anderson E.N. *Introduction to Cultural Ecology*. 2nd ed. Lanham (MD): AltaMira Press, 2010, 399 p.

Townsend P. *Environmental Anthropology: From Pigs to Policies*. 2nd ed. Prospect Heights (IL): Waveland Press, 2009, 119 p.

Tragedy // *New Webster's Dictionary of the English Language*. College Edition. Delhi: Surjeet Publications, 1989, p. 1633.

Trawick P.B. Successfully Governing the Commons: Principles of Social Organization in an Andean Irrigation System // *Human Ecology*, 2001, Vol. 29, № 1, pp. 1–25.